

ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В восприятии международных событий часто сталкиваются две интерпретации. Первая оперирует взрывным характером мировых и региональных процессов, неожиданностью происходящего и поражающей обывателя стремительностью, с которой происходят изменения. Как правило, главным субъектом истории считается личность. Речь идёт о “событийной истории”. Вторая интерпретация делает упор на инерционность, закономерности глобального развития, его неповоротливость, своего рода “обломовщину” в поведении системы международных отношений (МО), ощущение, что на фоне мультипликации событий всё остаётся по-старому. Здесь главным двигателем прогресса (или регресса) считаются такие крупные агрегированные категории, как государства, социальные классы, цивилизации, общественно-экономические формации, перед которыми субъективный фактор отступает на второй, если не на третий план. Речь идёт об истории структур, о “медленной истории”.

Эти два подхода к истории непосредственно сказываются на изучении международных отношений. Для кого-то падение берлинской стены в 1989 г. или распад Советского Союза двумя годами позже предстают исторически-

ми землетрясениями, которые ещё накануне мало кто предсказывал, неожиданным даром с небес или их проклятием. Тех же, кому такие предсказания удаются, считают либо эксцентриками, волею случая угадавшими что-то тектоническое, либо чудесными пророками. Одним словом, события интерпретируются как стечение обстоятельств или как рукотворные, проекция роли личности в истории.

В противоположную крайность впадают те, кто в гипертрофированном виде делает упор на “суперструктуры” истории, скажем, на культурные архетипы или цивилизационную подоплёку событий, которые якобы программируют всю сущность происходящего. В экономической науке к такому типу исследований тяготеет теория “кондратьевских волн”, в политической науке – “конец истории”, в международных отношениях – “столкновение цивилизаций” и т.п. Методология непредсказуемости истории МО ведёт к релятивизму, когда всё относительно (потому что не предсказуемо), а методология инерционности – к фатализму, восприятию неизбежности тех или иных событий, их повторяемости по трафарету на каждом новом витке истории.

В обоих случаях – абсолютизация изменчивости истории, в частности истории МО, или абсолютизация их постоянства – существует опасность попасть в одну и ту же логическую ловушку. Действительно, если переломные моменты в истории столь стремительны, что непредсказуемы, или, напротив, если происходящее на наших глазах, как бы ни потрясало воображение, – лишь событийная рябь на глади “медленной истории”, то прогностическая функция науки теряет смысл. Можно спорить о том, стоят ли за первым и вторым типом абсолютизации истории МО субъективный или объективный факторы, но это уже становится неважным. В любом случае, если невозможно прогнозировать, то международные исследования обоих типов представляют интерес лишь с точки зрения изучения истории ретроспективно, т.е. того, что уже произошло. Другими словами, надо было бы признать, что они целесообразны только для изучения прошлого, но бессильны в анализе будущего.

Вспомню к первому случаю – абсолютизации изменчивости МО, когда многие события представляются “прорывными” и неожиданными, меняющими правила игры, ломающими всю привычную логику эволюции мирового политического пространства. Так, террористические атаки на США “9/11” для большинства американцев, да и для большинства жителей других стран, были как гром среди ясного неба. Они застали всех врасплох. Только затем стала модной их интерпретация как нечто неизбежного, например, в рамках теории “столкновения цивилизаций”.

Другой пример – начальный этап мирового экономического кризиса на рубеже 2007–2008 гг., олицетворением которого стал крах банка “Леменз Бра-

зерс”, приведший в ужас мировые торговые площадки. Не сотвори себе кумира – казалось бы, прописная и извечная истина, но для международного финансового капитала Алан Гринспен¹ (точнее, связанный с его именем рыночный догматизм) стал именно кумиром, т.е. в данном контексте – ложным пророком. Тогда, после долгих лет растущей как снежный ком уверенности в незыблемости неолиберальной модели глобализации, “смерть инфляции”, “выравнивание” экономических циклов, “вдруг” земля стала уходить из-под ног международных бирж, трейдеров, брокеров, джобберов.

Ещё пример “спонтанного” типа МО – “арабская весна”, которая многим её участникам и адептам казалась очищающим ураганом, новой волной демократизации, которую невозможно контролировать, но которая обязательно будет носить созидательную природу. Или более локальный пример – “неожиданность” нападения грузинской армии по приказу М. Саакашвили на Цхинвал в 2008 г., или “майдановская революция” на Украине в 2014 г. Все эти перипетии роднит то, что к ним мало кто оказался готов. События “вышли из-под контроля”, и судьбы миллионов людей оказались в плену у воли обстоятельств, случая.

Но какими будут оценки этих событий с точки зрения абсолютизации постоянства в истории МО? Место “непредсказуемости” занимает “запрограммированность”. Так, можно сказать, что падение берлинской стены и развал Советского Союза были лишь вопросом времени, были predeterminedены с самого начала их возникновения. Но если согласиться с такой логикой, то само понятие прогноза теряет

¹ Председатель федеральной резервной системы США (1987–2006).

смысл, так как речь идёт не о научном обосновании вероятности, которая может реализоваться, а может и нет, а о пророчестве неизбежного. Или атаки на “башни-близнецы” в 2001 г. в Нью-Йорке, “арабскую весну”, межгосударственные кризисы на постсоветском пространстве можно представить в виде закономерного столкновения тех или иных структур “медленной истории”, например, варварства и цивилизации, архаики и постмодерна, демократии и тоталитаризма. Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 г., многие видят как очередной циклический кризис рыночного хозяйства, один в череде многих, начиная с XIX века, после которого, испытав косметический ремонт, докризисная модель глобализации и финансовой архитектуры переутвердится вновь.

Итак, с одной стороны, гипертрофированная зыбкость и изменчивость истории МО, с другой, – гипертрофированное постоянство, “законы истории” против случая или случайности. Представляется, что преодоление двух противоположных типов абсолютизации возможно в рамках концепции формационного подхода к истории МО и “горизонтального” подхода к цивилизационным исследованиям.

Предложенный формационный подход к истории МО предполагает, что на каждом новом этапе международных отношений их субъекты не движутся поступательно в одном направлении, разделённые на лидеров и догоняющих. Эти субъекты, переходя из одной системы МО в другую (вестфальскую, венскую, версальскую, ялтинско-потсдамскую и т.д.), могут в целом сохранять свою природу, но должны для поддержания своей эффективности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней, в том

числе международной среды¹. В результате нескольких циклов такой адаптации субъект МО может измениться, казалось бы, до неузнаваемости. В действительности его глубокая трансформация, если считать её успешной, возможна в случае, если обновление достигается с помощью адаптации фундаментальных характеристик, но не отказа от них. Хрестоматийными являются примеры послевоенной Японии, а позже Сингапура, модернизация которых не свелась к вестернизации.

Также такой формационный подход предполагает, что история МО движется “рывками”, посредством череды более длительных периодов стабилизации и более коротких транзитов всплеска насилия. Базисом формаций международных отношений является экономика, но не только. Это и цивилизационно-культурный, и религиозный, и ценностный факторы. Их переплетение создаёт фундамент для “надстройки” – структур и механизмов, а также человеческого, субъективного фактора, с помощью которых выстраивается на каждом следующем этапе истории международных отношений новая иерархия государств и их альянсов.

В том же русле, классификация цивилизаций “по горизонтали” означает, что в ходе столетий существования цивилизаций приоритетность и иерархия принципов, на которых они опираются, меняются². Классификация же

¹ Ал.А. Громько. Формационный подход к развитию международных отношений (европейский ракурс) // Современная Европа, № 5, 2015. С. 5–13.

² Такой подход предложен в: Россия в многообразии цивилизаций. Под ред. Н.П. Шмелёва, Т.Т. Тимофеева, В.П. Фёдорова. Изд. Весь мир. М.: 2011.

цивилизаций “по вертикали” рассматривает их в качестве “застывших” исторических феноменов.

Находясь между “молотом” постоянства в истории МО и “наковальной” изменчивости, важно определиться с постоянными и переменными в уравнении мировой геополитики. Например, климат, географию, религию, культуру, исторический опыт можно отнести к постоянным факторам. Международное право, экономические, политические ресурсы, качество государственного управления и т.п. – к переменным. Без учёта обеих категорий факторов исследователь рискует стать проводником той или иной методологии абсолютизации в изучении истории и современного состояния МО. Когда же этого удаётся избежать, открывается возможность эффективно применять прогностическую функцию науки, в данном случае в исследовании международных отношений, а значит на основе этого и заниматься стратегическим планированием.

Задача усложняется тем, что политические и социальные системы не только формируются под воздействием постоянных и переменных факторов, но и сами имеют потенциал изменять “внешнюю среду”. Например, с помощью определённого “нарратива”, т.е.

оценки состояния дел с точки зрения определённого понятийного трафарета, “заливочной формы”, включая массовое мышление и сознание, стереотипы и клише, которые можно как создавать, так и манипулировать ими. Например, “угроза с востока”, дихотомия Европа – Россия, исключительность нации, “коллективный Запад”, “упадок Европы”, духовности против потребительства, индивидуализм против коллективизма и др.

Следовательно, необходимо не только стремиться к научно обоснованным и взвешенным подходам к истории МО в рамках цеха экспертов-международников, но и проецировать такие подходы в массовом сознании, в том числе с помощью создания “нарративов”, отвечающих национальным интересам конкретного государства. У России в этом определённый положительный опыт уже есть, например, в популяризации концепции Русского мира и собственного видения глобализации (полицентризма), идеи суверенной внешней политики, в позиционировании себя как стратегически мыслящей державы.

Ал.А. Громыко